**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-17

УДК 394+347.787

Глушенко М.А. [a, *], Федоров Р.Ю. [b]

[a] Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары
ул. Комсомольская, 38, Братск, 665717
[b] Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: gromov_1@mail.ru (Глушенко М.А.); r_fedorov@mail.ru (Федоров Р.Ю.)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СРЕДНЕГО ПРИАНГАРЬЯ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

Рассмотрены этнокультурные и адаптационные факторы развития народной архитектуры крестьян-переселенцев начала XX в., проживавших на территории Среднего Приангарья. Сделан вывод, что в первой четверти XX в. поздние переселенцы стремились максимально сохранять свои строительные технологии, изменяя лишь те из них, которые препятствовали адаптации в новых условиях. При этом строительная культура переселенцев Братского района претерпела трансформацию в значительно большей степени, чем у большинства их земляков, обосновавшихся в других регионах, ввиду необходимости более интенсивной адаптации к специфике природно-климатических условий Среднего Приангарья.

Ключевые слова: народная архитектура, Среднее Приангарье, Братский район, поздние переселенцы, этнокультурная адаптация.

Ссылка на публикацию: Глушенко М.А., Федоров Р.Ю. Этнокультурные и адаптационные аспекты трансформации народной архитектуры поздних переселенцев Среднего Приангарья (первая четверть XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 198–205. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-17

Введение

На протяжении последних десятилетий для отечественной этнологии характерен рост интереса к этнокультурным и адаптационным факторам, оказывающим влияние на вариативность народной архитектуры разных регионов России. Данное направление исследований имеет особую актуальность для Сибири, на территории которой в результате крестьянских переселений оказалось представлено многообразие этнокультурных особенностей народной архитектуры представителей разных этнических и этнолокальных общностей, проживавших на территории Российской империи. На сегодняшний день наиболее последовательно изучены особенности адаптации народной архитектуры поздних переселенцев на территории западной и центральной Сибири [Майничева, 1998, 2002; Коровушкин, 2008] и др. В Восточной Сибири исследователи чаще обращались к изучению народной архитектуры русского старожильческого населения, тогда как строительная культура переселенцев начала XX в. редко становилась объектом специальных исследований. Подобная ситуация оказалась характерной для территории Среднего Приангарья, большая часть которой относится к современному Братскому району Иркутской области. В 1975 г. экспедиция под руководством О.М. Леонова при участии А.В. Ополовникова и Е.А. Ополовниковой изучала деревянное зодчество деревень и сел, расположенных на юге Братского р-на, однако результаты этого исследования так и не были опубликованы [Отчет о работе…, 1975]. Лишь на протяжении последнего десятилетия на этой территории стали проводиться систематические полевые исследования. В 2014, 2016–2018 гг. Братским городским объединенным музеем истории освоения Ангары под руководством М.А. Глушенко были осуществлены экспедиции, изучавшие особенности материальной и духовной культуры потомков крестьян-переселенцев, проживающих в деревнях Зарбь, Илир, Чистяково, Карай, Кардой, Леоново и Ключи-Булак. Результаты этих полевых исследований, позволяющие выявить общие тенденции адаптации культуры жизнеобеспечения, а также результаты историко-дендрохронологического анализа народной архитектуры переселенцев отражены в наших предыдущих публикациях [Глушенко, 2017; Федоров, Аболина, 2018; Глушенко и др., 2022]. Несмотря на нали-

* Corresponding author.

чие этих публикаций, на сегодняшний день в научный оборот еще не были введены этнографические материалы, дающие детальное представление об этнокультурных особенностях народной архитектуры поздних переселенцев. Восполнению этого пробела посвящена эта статья[1]. В ней приведены данные об особенностях конструкций построек и их планировочных решениях, а также предпринято сопоставление с типичными образцами архитектуры в местах выхода переселенцев и у местных старожилов.

Рис. 1. Особенности конструкции и планировочных решений построек:
а) стропила с выпусками на избе д. Илир; б) подстропильные слеги на избе 1908 г. д. Карай; в) дом 1906 г. в д. Леоново; г) крыша «на козлах» бани в д. Карай; д) курица на крыше избы 1907 г. в д. Карай; е) печной угол избы 1908 г. в д. Карай; ж) передняя часть печи в сенях дома в д. Карай; з) припазованные потолочные балки избы 1908 г. в д. Карай.

Fig. 1. Features of the construction and planning solutions of buildings:
a) rafters with releases on the house in the village of Ilir; б) adjusting sleeves on the house of 1908, the village of Karay; в) house of 1906 in the village of Leonovo; г). the roof “on the goats” of the bath in the village of Karay; д) “kuritsa” on the roof of a 1907 house in the village of Karay; e) furnace corner of the house of 1908 in the village of Karay; ж) the front of the furnace in the canopy of a house in the village of Karay; з) located ceiling beams of the house of 1908 in the village of Karay.

Полевые исследования позволили выявить наиболее значимые группы переселенцев, сохранившиеся на территории Братского р-на. По отношению к ранее заселившим эти места русским старожилам переселенцы употребляли название «чалдоны». Оно имело широкое распространение в земледельческой зоне от Зауралья до Прибайкалья. В качестве специфической

[1] Из-за ограниченных рамок объема статьи архитектурное описание каждой деревни и ее построек приведено во внешнем приложении, размещенном по адресу: https://cloud.mail.ru/public/GuuL/WG6hynCxJ.

группы восточнославянского населения Сибири чалдоны складывалась в XVII — первой половине XIX в., однако свое название и отождествление с особой этнокультурной общностью получили лишь в процессе контактов с переселенцами [Бережнова, 2012]. Среди переселенцев, активно заселявших территорию района в начале XX в., преобладали выходцы из Псковской губернии, а также белорусы и малороссы. Крестьяне из Псковской губернии, проживавшие в деревнях Кардой, Илир, Зарбь, Леоново и др., использовали самоназвание «скобари», которое было широко распространено на их родине [Манаков, Евдокимов, 2013]. В этнокультурной идентичности выходцев из Белоруссии и с Украины, проживавших в д. Карай, Чистяково, Илир, Зарбь, Леоново, Ключи-Булак и др., первоначально преобладали региональные черты, в соответствии с которыми они могли себя отождествлять с «могилевскими», «гродненскими», «черниговскими» и т.д. Позднее по отношению к ним нередко использовалось обобщающее название «хохлы», которое можно отнести к своеобразным этнокультурным стереотипам, сложившимся по отношению к этой группе переселенцев у их нового этнического окружения [Сибирь и сибиряки…, 2022].

Обширная география мест выхода крестьян-переселенцев, охватывающая Белоруссию, Украину и ряд регионов Европейской России, оказала влияние на разнообразие народной архитектуры Среднего Приангарья. Вместе с тем наблюдается некое единство в архитектурном облике переселенческой застройки. Прежде всего, это отражается в соблюдении землеустроительного порядка в виде протяженных улиц шириной 40–60 м с двухрядной застройкой. Столь строгий регламент не позволял переселенцам воспроизводить привычные архитектурно-планировочные схемы. В деревнях Ключи-Булак и Илир переселенцы также вынуждены были вписаться в уже существующую старожильческую планировку с узкими улицами. Помимо вынужденного планировочного регламента, переселенцев объединяет использование стропильных крыш с длинными выпусками стропил наружу (рис. 1, а). На родине переселенцев данные выпуски на стропилах были необходимы для поддержания свесов крыши, которую крыли соломой или камышом, но повторение их в Среднем Приангарье, скорее всего, является технологической привычкой. При этом не исключено, что на ранних этапах адаптации в новых условиях переселенцы могли пытаться сооружать привычные им соломенные кровли, примеры которых иногда фиксировались в более южных районах Иркутской обл. [Колганова, 2014, с. 35–36]. Помимо соломы переселенцы могли использовать кору лиственницы, а в дальнейшем, по мере сил, они могли заменять кровли на более надежные тесовые и драничные. Однако почти на всех осмотренных домах переселенцев Братского р-на нет признаков частой обрешетки, без которой было бы невозможно закрепить солому и кору даже на первое время. Стропила на затяжках, характерные для старожилов, достаточно редки в переселенческой застройке и чаще всего присущи четырехскатным крышам. В деревнях Карай, Чистяково, Леоново и Зарбь во многих постройках переселенцы дополнительно усиливали крепление стропил к срубу при помощи подстропильных слег, в которых просто дублировался упор стропил как на верхнем венце (рис. 1, б). Аналогичный прием использования подстропильных слег встречается только в Невельском районе Псковской области [Ланцев, 2015, с. 66], который до 1924 г. входил в территориальные рамки Витебской губернии. Кроме этого, переселенцев объединяет пренебрежение прятать стык двух скатов кровель коньковыми бревнами либо досками. Чаще всего один скат расположен выше другого и прикрывает, таким образом, стык от осадков. Наибольший консерватизм строительных приемов наблюдается в д. Леоново, где, как и в местах выхода переселенцев, воспроизводили четырехскатные крыши «с залобком», наружное замазывание щелей между бревнами глиной, забеливание срубов снаружи и гонтовую кровлю (рис. 1, в). Впрочем, последние два признака, по мнению одного из старожилов (Федотова Л.П., 1921 г.р.), появились в деревне только после Великой Отечественной войны вместе с новой волной переселенцев из Белоруссии, в которой гонтовые кровли были наиболее распространены [Бломквист, 1956, с. 108]. Также в Леоново и в Карае на некоторых хозяйственных постройках использовали крыши на «козлах» (рис. 1, г), которые характерны для Белоруссии [Локотко, 1991, с. 119; Бломквист, 1956, с. 99]. Изредка на крышах вместе со стропилами использовали курицы (рис. 1, д), причем не в качестве обязательного элемента безгвоздевой крыши [Отчет…, 1975, с. 4], а только для поддержания свесов кровли, что наблюдалось в том числе в Белоруссии [Бломквист, 1956, с. 106]. То есть вместо желобов на курицы укладывали небольшие жерди либо доски.

Окна в переселенческих деревнях довольно часто оставляли без наличников и ставень, чего нельзя было наблюдать на старожильческих домах. В торцевых фасадах домов чаще всего устраивали по два окна, что встречалось крайне редко у старожилов Приангарья. Во многих

домах было и по три окна, но без асимметрии, присущей тем же старожильческим домам, когда окно напротив устья печи отставлялось от двух других немного дальше. У переселенцев голбцы традиционно отсутствуют, печь ставилась в углу и вход в подполье осуществляется через западню. Характерных для западной части Российской империи случаев, когда на торцовый уличный фасад выходит только одно окно [Юрченко, 1941, с. 28], в Братском районе не зафиксировано, так как традиционная планировка переселенцев в Сибири претерпела изменения (рис. 1, е). Поселившись на территории с более суровым климатом, переселенцы перестают использовать западнорусский тип планировки с ориентацией печи в сторону входа и переходят на северорусский тип, при котором устье печи смотрит на переднюю стену для более равномерного прогревания жилого помещения. Подобная перемена планировки происходила и в более холодной северной части Белоруссии [Локотко, 1991, с. 166]. Переориентация печи должна была, таким образом, переместить кухонный угол от входа к передней стенке, как и у старожилов. Организация остального пространства жилища в переселенческих деревнях Среднего Приангарья пока остается неизученной.

Уже на ранних этапах переселения начинают наблюдаться признаки отхода от традиционной планировки жилища за счет использования пятистенков с двумя отапливаемыми помещениями [Глушенко и др., 2022, с. 205–206]. Кроме того, в 1920-х гг. появляется тенденция к расширению отапливаемого пространства за счет дополнительных прирубов. Отдельного интереса заслуживает зафиксированное в д. Карай решение вынести кухню в сени за счет переноса печи с ориентацией устья прямо в переруб (рис. 1, ж). Таким образом, остальное помещение освободили от выполнения в нем грязной работы по обслуживанию печи и приготовлению пищи, вернув преимущество западнорусской планировочной схемы жилища. Подобный вариант отмечен П.Г. Юрченко на Украине и отнесен ко второй стадии преобразования жилища [Юрченко, 1941, с. 32].

Технологической привычкой можно объяснить и использование в одном помещении 2–3 припазованных или Т-образных потолочных балок (рис. 1, з), между которых укладывались короткие доски. Зачастую такие балки ориентировали вдоль входа в помещение, по его более длинной стороне. Данная технология возникла в связи с дефицитом ровного строевого леса на родине переселенцев. В результате распиловка бревен более короткими досками давала значительную экономию древесины. Но в условиях Приангарья, богатого качественным строевым лесом, вполне можно было пилить полубревна на всю длину помещения, как делали старожилы. Также необходимо отметить, что, в отличие от старожилов, у переселенцев врубки в стенах под потолочные балки были сквозными (рис. 2, а), что дополнительно влекло тепловые потери.

В Карае и Кардое получило распространение устройство с продольной стороны дома сеней, в которых сделан дополнительный выход прямо на улицу (рис. 2, б). В Поволжье такие сени появились в конце XIX в. и назывались «колидорами» [Бломквист, 156, с. 155]. К сеням со стороны улицы часто пристраивали небольшое крыльцо на столбах с двускатной крышей (рис. 2, в). Подобные особенности были характерны и для Псковской губернии, откуда, по устным сведениям, прибыли переселенцы в д. Кардой. Также стоит отметить редкий случай использования крытого двора, совершенно не типичного для Среднего Приангарья. Вероятно, этот элемент был привнесен выходцами с севера Псковской области, для которого было характерным бытование крытых дворов [Ланцев, 2002, с. 36]. Зафиксированное в Кардое соединение жилых помещений сенями через столбы также было распространено на территории Псковщины [Там же, с. 62] и Белоруссии.

В строительстве амбаров у переселенцев наметились две тенденции. Часть амбаров напоминает местные старожильческие, так как они имеют предамбарники, самцовые крыши и вход, расположенный с продольной стороны (рис. 2, г). От полного повторения их отличают однокамерность, сравнительно большой угол крыши и рубка слег через каждый самец. Подобные амбары являлись типичными в Псковской области [Там же, с. 110–111]. Другая часть амбаров несет больше типичных для переселенцев элементов, к которым относится вход с торцовой стороны, отсутствие предамбарника, чаще всего стропильная крыша с длинными выпусками стропильных ног и иногда довольно крупные размеры амбара (рис. 2, д). Последний признак позволял иногда переделывать часть амбаров в жилые дома. Такие амбары тоже не имеют деления на камеры, сусеки в них расположены только по одну сторону, а оставшееся пустое пространство, скорее всего, служило кладовой-спальней. Существует мнение, что на амбарах с самцовой крышей переселенцы врубали частые слеги для предотвращения возможности ворам забраться через крышу [Отчет.., 1975, с. 4]. Но надо заметить, что расстояние между слегами некоторых амбаров вполне позволяет пролезть в них взрослому человеку. Если же заглянуть

внутрь таких амбаров, то под слоем дранья на крыше можно обнаружить остатки первоначальной кровли из лиственничной коры (рис. 2, е). Для укладки этой коры как раз и требовалась обрешетка из частых слег, что, как было замечено выше, отсутствует у жилищ.

Рис. 2. Конструктивные и планировочные особенности построек:
а) боковая стена дома 1908 г. в д. Чистяково; 2) дом в д. Кардой; в) дом в д. Карай; г) амбар в д. Леоново; д) амбар в д. Карай; е) листы коры лиственницы под драничной кровлей амбара 1912 г. в д. Карай; ж) погреб, пристроенный к дому в д. Чистяково; з) сомление в углах амбара в д. Карай; и) изба с асимметрией окон в д. Ключи-Булак.

Fig. 2. Structural and planning features of buildings:
а) side wall of the house of 1908 in the village of Chistyakovo; б) house in the village of Kardoy; в) house in the village of Karay; г) barn in the village of Leonovo; д) barn in the village of Karay; e) sheets of larch bark under the ram roof of a barn of 1912 in the village of Karay; ж) a cellar attached to the house in the village of Chistyakovo; з) confusion in the corners of the barn in the village of Karay; и) hut with asymmetry of windows in the village of Klyuchi-Bulak.

К числу характерных особенностей народной архитектуры переселенцев в Среднем Приангарье следует отнести погреба, пристроенные к неотапливаемым сеням жилых домов (рис. 2, ж). Над погребами сооружались срубы небольших размеров без наружних проемов. Войти в них можно было лишь через небольшую дверку прямо из сеней. Подпольные ямы в самих жилищах иногда обрамляли вертикально уложенными досками, подобно дубовым «платкам» в Белоруссии [Косич, 1906, с. 82]. В Белоруссии погреба к жилищу стали пристраивать в начале XX в. [Локотко, 1991, с. 128], в середине XX в. они уже имели два входа — с улицы и из хаты через люк в полу [Там же, с. 203].

В некоторых жилых домах можно обнаружить достаточно узкие продольные пазы-канавки между венцами, которые иногда сходят «на нет» в теплом объеме. Такое качество подгонки бревен тоже можно признать унаследованным признаком, так как качество строевой древесины ряда западных регионов Российской империи не позволяло выдерживать ширину паза, поэтому

щели приходилось замазывать глиной. На многих рубленных «в угол» постройках можно заметить следы сомления бревен в углах и даже полноценные затески, используемые для технологии «самозахлапывающихся чаш» (рис. 2, з).

Выводы

Сравнение материалов полевых исследований, проведенных на территории Братского р-на Иркутской обл., с этнографическим описаниями, сделанными на территории Белоруссии, Украины и Псковской губернии, свидетельствуют, что почти все зафиксированные особенности народной архитектуры поздних переселенцев Братского р-на одинаково типичны для перечисленных мест выхода. Исключение представляет лишь применение подстропильных слег, которое, вероятно, произошло от переселенцев из Невельского р-на Псковской обл. Однако нельзя исключать, что данный элемент могли использовать в качестве заимствования и другие переселенцы, ранее не знакомые со срубной технологией, как это могло быть с некоторыми выходцами с юга Украины. Поэтому определить этническое происхождение строителей исходя только из архитектурного облика построек в Братском р-не не представляется возможным. Вместе с тем необходимо отметить, что строительная культура поздних переселенцев Братского р-на претерпела трансформацию в значительно большей степени, чем у большинства их земляков, которые переселились в другие регионы. В поселениях сопредельных регионов с разной степенью преобладания фиксировалась западнорусская планировка жилища, местами отмечено использование соломенных и камышовых крыш, срубы из досок, каркасные постройки, глинобитный пол. Закономерность встречаемости таких признаков сводится только к степени схожести новых природно-климатических условий и ресурсных возможностей с местами выхода переселенцев. Данная логика наглядно видна на примере Иркутской обл. В ее лесостепном Тулунском р-не еще можно встретить западнорусскую планировку жилища. Южнее, в более бедных лесом Баяндаевском и Зиминском районах, зафиксированы соломенные крыши и срубы из досок. В богатом лесом и обладающем более суровым климатом Братском р-не переселенцы были вынуждены разворачивать печи устьем вглубь жилища для сохранения тепла, а для временных кровель вместо соломы охотно использовали листы лиственничной коры. Благодаря изобилию строевого леса переселенцы не нуждались в экономии и не рубили срубы из досок. С другой стороны, следует отметить, что новоселы Братского района не до конца рационализировали свою строительную культуру в новых условиях, продолжая рубить узкие межвенцовые пазы, замазывая их глиной, и врубать множество потолочных балок с несколькими стыками пиленых досок для потолка. Таким образом, можно сделать вывод, что поздние переселенцы старались максимально сохранять свои строительные технологии, изменяя лишь те из них, которые препятствовали выживанию в новых условиях.

В пользу массового перехода с западнорусской планировки на севернорусскую указывает частая встречаемость трехоконного фасада с асимметрией окон у переселенцев деревень Ключи-Булак и Илир (рис. 2, и). Попав в эти деревни со старожильческим населением, новоселы скопировали местную планировку вплоть до столь мелких деталей, что присущи лишь народной архитектуре Приангарья.

Перечисленные особенности в совокупности с результатами дендрохронологического анализа [Глушенко и др., 2022] позволяют заключить, что архитектура переселенцев Братского района во всем своем многообразии сложилась в первые же годы переселения в начале XX в. как сумма множества архитектурных приемов обширной территории западных губерний Российской империи. Переселенцы использовали в Среднем Приангарье приемы как давно сложившиеся в местах выхода, так и только появившиеся там в конце XIX — начале XX в. При этом в каждой переселенческой деревне есть неповторимые устойчивые архитектурные черты, связанные с привычками отдельных преобладающих групп родственников, массово переселившихся из конкретных населенных пунктов. Ввиду более суровых климатических условий и обилия древесины переселенцы не стали воспроизводить некоторые привычные им дома строительные приемы, в отличие от своих земляков, попавших в другие, более теплые и малолесные регионы Сибири. Заимствования переселенцами у местного старожилого населения ограничены лишь планировкой жилища и кровельными материалами. Впрочем, и в архитектуре старожилов не приходится наблюдать каких-либо признаков, взятых позже у переселенцев, что подтверждает взаимную замкнутость на протяжении первой половины XX в.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. М.: Форум, 2012. 280 с.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 31. С. 3–461.

Глушенко М.А. Опыт проведения этнографических экспедиций БГОМ // Братская земля: От истоков — до города: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Братск, 2 дек. 2016 г.). Братск, 2017. С. 26–31.

Глушенко М.А., Федоров Р.Ю., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Архитектура крестьян-переселенцев первой четверти XX в. в Среднем Приангарье по данным комплексного историко-дендрохронологического анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 200–208.

Колганова Е.Ю. Этнокультурное наследие столыпинских переселенцев Предбайкалья. Иркутск: Тальцы, 2014. 116 с.

Коровушкин Д.Г. Природно-климатические условия региона расселения как детерминанта трансформации техники жилищного строительства в сельских переселенческих диаспорах Западной Сибири // Вестник Новосиб. ун-та. Сер. История, филология. 2008. Т. 7. № 3. С. 165–174.

Косич М.Н. О постройках белорусского крестьянина Черниговской губернии, Мглинского уезда: с. Рассуха, д. Бородинка и Амелькин хутор // Живая старина. 1906. Т. XV. № 1. С. 74–93.

Ланцев В.В. Архитектура крестьянской усадьбы Псковской области (конец XIX — середина XX века). Псков: Псков. ун-т, 2015. 186 с.

Локотко А.И. Белорусское народное зодчество. Минск: Навука і тэхника, 1991. 287 с.

Майничева А.Ю. Крестьянские усадьбы севера Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.) // ЭО. 1998. № 3. С. 56–65.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: Проблемы эволюции и контактов (середина XIX — начало XX вв.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002 144 с.

Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Скобари: Историческая зрелость границ и региональная идентичность в Псковской области // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 28–38.

Сибирь и сибиряки: Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; Отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.

Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: Маркеры идентичности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 147–155.

Юрченко П.Г. Народное жилище Украины. М.: Гос. архит. изд-во Акад. архит. СССР, 1941. 88 с.

ИСТОЧНИКИ

Отчет о работе экспедиции Братского отделения по обследованию памятников деревянного народного зодчества. Август 1975 г. // Фонды Братского объединенного музея истории освоения Ангары. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 38. 5 л.

Glushenko M.A. [a, *], Fedorov R.Yu. [b]

[a] Bratsk City Joint Museum of the History of Angara Development
Komsomolskaya st., 38, Bratsk, 665717, Russian Federation
[b] Tyumen Scientific Centre SB RAS, Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: gromov_1@mail.ru (Glushenko M.A.); r_fedorov@mail.ru (Fedorov R.Yu.)

Ethnocultural and adaptation aspects for the development of folk architecture of the late peasant resettlers in the Middle Angara region (first quarter of the 20th century)

The article examines the ethnocultural and adaptation factors for the development of folk architecture of peasant resettlers of the early 20th century who lived in the Middle Angara region. It has been concluded that in the first quarter of the 20th century, the late resettlers sought to preserve their building technologies as much as possible, changing only those of them that prevented adaptation to new conditions. At the same time, the construction culture of the resettlers of the Bratsk District has undergone a much greater degree of transformation than that of most of their compatriots who settled in other regions, due to the need for more intensive adaptation to the specifics of the natural and climatic conditions of the Middle Angara region.

Keywords: folk architecture, the Middle Angara region, the Bratsk district, late migrants, ethnocultural adaptation.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Projet No. FWRZ-2021-0006).

* Corresponding author.

REFERENCES

Berezhnova, M.L. (2012). *Riddle of cheldon: History of formation and feature of culture of Old settlers population in Siberia*. Moscow: Forum. (Rus.).

Blomkvist, E.E. (1956). Peasant buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (settlements, dwellings and farm buildings). In: *Vostochnoslavyanskij etnograficheskij sbornik: Ocherki narodnoj material'noj kul'tury russkih, ukraincev i belorusov v 19 — nachale 20 v.* T. 31. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 3–461. (Rus.).

Glushenko, M.A. (2017). Experience of carrying out ethnographic expeditions of BGOM. In: *Bratskaya zemlya: Ot istokov — do goroda: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii (Bratsk, 2 dekabrya 2016 g.)*, Bratsk, 26–31. (Rus.).

Glushenko, M.A., Fedorov, R.Yu., Zparnikov, Z.Yu., Myglan V.S. (2022). Architecture of peasant-migrants of the first quarter of the 20th century in the Middle Angara River region according to the complex historical and dendrochronological analyses. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 59(4), 200–208. (Rus.).

Kolganova, E.Yu. (2014). *Ethnocultural heritage of Stolypin immigrants of the Pre-Baikal region*. Irkutsk: Tal'cy.

Korovushkin, D.G. (2008). Natural and climatic conditions of the settlement region as a determinant of the transformation of housing construction equipment in rural resettlement diasporas of Western Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 7(3), 165–174. (Rus.).

Kosich, M.N. (1906). About the buildings of the Belarusian peasant of the Chernigov province, Mglinsky district: s. Rassukha, the village of Borodinka and Amelkin farm. *Zhivaya starina*, 15(1), 74–93. (Rus.).

Lancev, V.V. (2015). *The architecture of the peasant estate of the Pskov region (late 19th — mid 20th century)*. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet. (Rus.).

Lokotko, A.I. (1991). *Belarusian folk architecture*. Minsk: Navuka i tekhnika. (Rus.).

Majnicheva, A.Yu. (1998). Peasant estates of the north of the Upper Ob region (late 19th — early 20th centuries). *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 56–65. (Rus.).

Majnicheva, A.Yu. (2002). *Architectural and construction traditions of the peasantry of the northern part of the Upper Ob region: problems of evolution and contacts (mid-19th — early 20th centuries).* Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN. (Rus.).

Manakov, A.G., Evdokimov, S.I. (2013). Skobari: A historical maturity of borders and regional identity in the Pskov region. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, 2(1), 28–38. (Rus.).

Fursova, E.F. (Ed.). (2022). *Siberia and Siberians: Ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (19th — early 21th century)*. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN. (Rus.).

Fedorov, R.Yu., Abolina, L.A. (2018). Material culture of Belarusian migrants in the Bratsk district: Identity markers. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 43(4), 147–155. (Rus.).

Yurchenko, P.G. (1941). *People's dwelling of Ukraine*. Moscow: Izd-vo Akad. arhitektury SSSR. (Rus.).

Глушенко М.А., https://orcid.org/0000-0002-0991-9422
Федоров Р.Ю., https://orcid.org/0000-0002-3658-746X

Сведения об авторах:

Глушенко Максим Александрович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, Братск.

Федоров Роман Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Glushenko, M.A., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Scientific Work, Bratsk City Joint Museum of the History of Angara Development, Bratsk.

Fedorov, R.Yu., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 09.06.2025
Article is published: 15.09.2025